

До сих пор в этой рубрике публиковались статьи и беседы с акцентом на фундаментальных коллизиях, создающих напряженность глобального кризиса и ставящих под вопрос дальнейшее существование цивилизации. Сегодня предлагаем вниманию читателей работы В. КОШЕЛЕВОЙ и Ф. ЯНШИНОЙ, представляющие версию, которую можно назвать «безусловно оптимистической».

Вера КОШЕЛЕВА

Экология и нравственность

Онтология зла и добра

В условиях нарастающего экологического кризиса не только обостряется интерес к особенностям техногенной деятельности современного человечества, способной привести его к окончательной катастрофе, но и возобновляются дискуссии, насчитывающие уже не одно столетие. Речь идет о понимании сущности зла и агрессивности человека как по отношению к себе подобным, так и по отношению к природе, о соотношении добра и зла в человеческой истории, о возможностях прагматически, техницистски ориентированного интеллекта, о значении сверхпрагматических, метафизически-нравственных пластов человеческой культуры. Отголоски этой дискуссии нашли свое отражение и на страницах журнала «Общественные науки и современность»¹

Так, А. Назаретян, рассматривая идейные учения, строящиеся на известной посылке, согласно которой человек по своей природе изначально добр, в качестве утопии (или, скорее, дистопии, ибо до сих пор все общественные организмы, пытающиеся основываться на этих принципах, продемонстрировали крах подобных иллюзий) обосновывает своеобразный вариант онтологии зла и агрессии. История эволюции, пишет Назаретян, показывает, что «разрушительные факторы становятся импульсом созидания, а действие сохраняющих, антиэнтропийных по своему происхождению факторов, напротив, оборачиваются ростом энтропии»² Воистину, как говорится, благими намерениями дорога в ад вымощена.

Многочисленные данные современной археологии, антропологии, этнологии, генетики и психологии, по мнению Назаретяна, неопровержимо доказывают, что человек по своей природе изначально агрессивен, «агрессивно-эгоистические импульсы составляют предпосылку спонтанной активности

¹ Ср., например: С и м к и н Г. Когда уйдет питекантроп... 1991, № 4; Катастрофы и нравственность. Интервью с А. Назаретяном. 1992, № 1.

² «Общественные науки и современность», 1992, № 1, с. 95.

организма», «общебиологическое свойство агрессивности унаследовано человеком, его психикой, интеллектом»³. С этим автор связывает историю экологических кризисов, вызванных растущей технологической мощью, которая не компенсировалась своевременно совершенствованием культурных механизмов сдерживания агрессии. Вместе с тем, доведенное до крайности зло рождает добро, социальную солидарность, милосердие, мораль, но лишь в той мере и с той целью, чтобы абсолютное зло не пожрало и не уничтожило самое себя. Таким образом, определяя зло и агрессию в качестве онтологически изначальных и определяющих оснований человеческого существования, Назаретян отводит добру место лишь вторичного, порождаемого явления, отчасти сдерживающего, ограничивающего и компенсирующего зло, но в то же время служащего необходимым условием его сохранения, а прогресс, в том числе и нравственный, рассматривает только в качестве средств выживания, а отнюдь не самоцели.

В отличие от Назаретяна Г. Симкин, будучи профессиональным этологом, хорошо знакомым с современными теориями агрессивности, выражает принципиальное несогласие с концепциями, онтологизирующими зло и рассматривающими агрессивность в качестве общебиологического свойства, равно присущего и животным, и человеку. Симкин считает, что «инстинкта агрессии нет ни у животных, ни у человека», что «агрессия — лишь ответ на невыносимые условия и стимулы жизни», «вся жуткая панорама агрессивности животного царства - гигантская и чудовищная ложь»⁴. Что касается зла, так потрясающего нас в человеке, то Симкин, подобно Назаретяну, считает, что «оно — порождение человеческой мысли», прагматически ориентированного разума, «наших непомерных стремлений к обладанию и власти»⁵. Рассматривая зло как «результат исторического несовершенства и общества, и самого человека», Симкин уверен, что «законы действия и эволюции релизерных схем позволяют обосновать неизбежность Конца, конечного испарения Зла»⁶. Главной путеводной звездой на этом пути должна стать для человечества великая сила комплементарности сверхобразов, сверхстимулов гармонии, красоты и милосердия, в которых с позиции релизерных схем обозначается экологически оптимальный для нас мир. Вся человеческая культура, по его мнению, есть не что иное, как неустанный поиск и стремление к этим сверхобразам и сверхстимулам жизненно оптимального мира.

Этот незавершенный спор об онтологическом статусе добра и зла и природе агрессивности, представленный на страницах журнала, интересен тем, что проясняет предельные мировоззренческие основания предлагаемых стратегий решения экологических проблем, а также понимание возможностей и роли различных сфер человеческого духа в их решении.

Если признавать в качестве онтологического основания человеческого бытия неискоренимое зло и агрессию, то остается непостижимым, откуда в истории человечества берутся силы добра и справедливости для их ограничения и обуздания. Я полагаю, что диалектика, которой придерживается Назаретян и которую он сам называет парадоксальной (зло в ней само рождает добро, а мораль и милосердие вырастают из насилия, жестокости и войн), не убедительна. Добро и возидательность сами выступают в качестве онтологического начала, имеющего свое специфическое и не менее существенное значение в истории человечества, чем зло и агрессивность. Не думаю, что когда-нибудь можно будет говорить об окончательном «испарении зла», но не могу не согласиться с Симкиным в том, что от жизнеспособности

³ Там же, с. 93.

⁴ «Общественные науки и современность», 1991, № 4, с. 173.

⁵ Там же, с. 174.

⁶ Там же, с. 172.

добра и милосердия сегодня — как и всегда! — зависят не только судьбы человечества, но и будущее экосферы.

Если признавать добро в качестве онтологически самостоятельного начала, коррелирующего и соотносящегося со злом, но отнюдь не являющегося вторичным, функциональным средством его ограничения, то невозможно согласиться и с тем, что единственным и последним условием ограничения зла и агрессии является все тот же интеллект, который, будучи инструментом агрессии, «через прагматику самосохранения последовательно приходит к преодолению агрессивных тенденций»⁷. Создается впечатление, что понятие «интеллект» включает у Назаретяна чуть ли не все остальные понятия: нравственность — это «рациональная нравственность», мудрость — «ум и дальновидность», культура — «высокоразвитый интеллект» и т. д. Утверждается, что при достаточном уровне информационного развития прагматически ориентированный интеллект придет к совершенствованию механизма ненасилия, нравственно-экологическому императиву и ответственности за судьбы цивилизации и биосферы. Между тем история человечества не раз уже демонстрировала, какие глубочайшие кризисы способен переживать разум, оторванный от иных — сверхпрагматических, ценностно-смысловых — метафизических сфер человеческого духа. Не случайно в условиях современного кризиса сциентистско-технократического разума огромное значение обретают нравственно-этическая и эстетическая сферы человеческого духа, опосредующие такие компоненты сознания и деятельности человека, которые связаны прежде всего с его высшими чувствами и волей.

Признавая огромные возможности интеллекта и не только как инструмента агрессии, но и могучего орудия творчества и созидания, я не могу принять точку зрения о его абсолютной самодостаточности, самоценности и всеисилии, ибо развитие интеллекта — согласно закону эволюционных корреляций — опосредуется не только развитием производства, перестройкой технологий, норм деятельности и т. д., но и совершенствованием других сфер человеческого духа, в том числе и нравственности, которую можно назвать инструментом добра и которая обладает специфическим содержанием и динамикой изменений. (В этом, собственно говоря, и состоит закон эволюционных корреляций, о котором говорится в статье Назаретяна.)

Подобная закономерность проявляется и в сфере взаимодействия экологии и нравственности; она выражается в углублении и развитии содержания фундаментальных нравственных принципов, отвечающих перспективам более достойного и ответственного за будущее планеты существования человечества.

От глобальных прогнозов — к экологической этике

Развитие современной экологии как особой системы знаний о характере взаимодействия человеческих сообществ с окружающей естественно-природной средой прошло сложный путь от скрупулезного фактологического изучения отрицательных последствий экспоненциального роста индустриально-промышленного производства и поисков локальных технико-технологических способов выхода из экологического кризиса до осознания необходимости принятия общецивилизационной, глобально-экологической линии поведения по отношению к природе. Оно предполагает филигранную работу по поддержанию возникающих структур нового менталитета и новых нравственно-экологических императивов и идеалов. Культивирование нравственного содержания экологической глобалистики является важнейшей задачей нынешнего этапа ее развития. В чем же суть этого нравствен-

⁷ «Общественные науки и современность», 1992, № 1, с. 103.

ного содержания и как она выкристаллизовывалась по мере развития экологической проблематики?

Становление экологии на Западе относится к концу 60-х годов⁸. Именно тогда в рамках зарождающейся глобалистики была предпринята серия исследований, выявивших крайне негативные последствия современной научно-технической революции и естественные пределы неограниченного экономического роста: истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, обострение продовольственной проблемы. В то время, когда в официальной идеологии социалистических стран собственные экологические трудности неизменно замалчивались, а чужие рассматривались исключительно как следствие капиталистического социально-экономического устройства, на уровне мирового сообщества уже началось исследование экологической проблематики в качестве общецивилизационной, общечеловеческой проблемы.

В специальных докладах представителей Римского клуба, других ученых и футурологов было показано, что при сохранении существующих темпов и тенденций экономического развития, а также характера потребления всех видов ресурсов⁹ многие виды природных богатств Земли — нефть, уголь, черные и цветные металлы, вода, древесина и др. — будут исчерпаны через несколько десятилетий. Не менее опасными, чем энергетический и сырьевой кризисы, представляются последствия тотального загрязнения биосферы: воздуха, рек, озер, морей, Мирового океана. Хищническая эксплуатация природы современным человечеством без учета закономерностей естественных механизмов саморегуляции и темпов самоочищения биосферы привела к значительному сокращению, а то и истреблению многих видов растений и животных, унифицировала природное многообразие, разрушила природные биоценозы и естественные механизмы биологической защиты и самовосстановления биосферы. Продолжающееся загрязнение биосферы, в том числе искусственно созданными химическими и биологическими «кентаврами», чужеродными для естественной среды обитания, крайне неблагоприятно сказывается и на природе самого человека, понижает жизнеспособность и творческую активность людей, вызывает возрастание числа мутаций и тяжелых врожденных заболеваний, что ведет к генетической деградации человеческого рода.

Исследование экологической проблематики с точки зрения нарастания этой кризисной ситуации и усиливающихся негативных последствий оказало мощное иницирующее воздействие на общественное сознание мирового сообщества. Уже во второй половине 70-х годов возникает понимание того, что для осмысления подлинных причин современного экологического кризиса и поисков действенных способов его разрешения недостаточно подробных описаний негативных явлений, естественнонаучных и футурологических прогнозов, социально-экономических, политических и правовых действий. Все это должно быть подкреплено глобальным изменением приоритетов, выдвижением новых нравственных идеалов и утверждением новых жизненных ценностей, экологической переориентацией этики и добровольным принятием большинством человечества требований нравственно-экологического императива.

⁸ В нашей стране названное направление оформилось лишь во второй половине 80-х годов. Специалисты связывают его начало с Первой всесоюзной конференцией по социальной экологии, состоявшейся в 1986 году. См. Швец Г. И. Идея ноосферы и социальная экология. «Вопросы философии», 1991, № 7, с. 40.

⁹ Известно, что современное производство использует только 3—4% взятого из природы, а остальные 97—96% выбрасывают в биосферу в виде неиспользованных отходов, по большей части вредных как для природы, так и для человека.

Как своеобразный отклик на этот вызов времени в середине 70-х годов в современной западной философии возникает направление экологической этики, предмет и статус которой в нашей философской, этической и научной литературе оспаривался вплоть до середины 80-х годов. И это не случайно. Дело в том, что представители современной экологической этики возродили важнейшие идеи так называемой универсальной этики, отстаиваемые такими выдающимися мыслителями, как М. Ганди, Л. Толстой, В. Соловьев, Н. Бердяев, А. Швейцер и др., которые рассматривали принцип ненасилия, «закон любви» и благоговения перед жизнью в качестве всеобъемлющего нравственного принципа и нравственного закона человеческого бытия. Именно эти идеи, гениально предвосхитившие суть предстоящей человечеству глобальной переоценки ценностей, еще до недавнего времени считались несбыточными, наивными, благодушными и определялись не иначе, как «абстрактный гуманизм» и «абстрактное морализирование».

Что касается стремления распространить нравственные идеалы любви, уважения и ответственности на сферу отношений человека к природе, то оно и сегодня у многих вызывает серьезные сомнения. Традиционная мораль имела дело с обязанностями человека по отношению к обществу и себе подобным и утверждала, что другие живые существа, неодушевленные предметы, земная природа и Космос не могут быть объектом нравственного отношения: они-де лишены нравственного статуса и нравственно-самоценного значения. А между тем в современных условиях все отчетливее раскрывается не только несостоятельность, но и серьезная опасность стереотипов, отрицающих самоценность всего живого и неживого на Земле и в Космосе в целом. Возрождение, обогащение и развитие этики ненасилия, любви и уважения, распространение границ и сферы ее реального действия на природу в целом представляют сегодня важнейшую часть, ядро смыслообразующей, культуротворческой, нравственно-созидательной деятельности человечества.

Жизненную важность всестороннего поддержания и культивирования этого нравственного ядра глобальной экологической проблематики рельефно показали результаты локальных попыток смягчения экологического кризиса, предпринятых в 80-е годы в развитых капиталистических странах. Движение «альтернативистов» и «зеленых», превратившееся в 80-х годах во влиятельную общественную силу, реальные экологические трудности, связанные с энергетическим и сырьевым кризисами, а также колоссальный экономический урон, наносимый нарастающим загрязнением окружающей среды, вынудили государственные и частные круги некоторых развитых капиталистических стран принять ряд природоохранных мер.

Однако характер и способы этих природоохранных мероприятий не вызвали коренного перелома в современной экологической ситуации: они не преодолевали ограниченности технократических подходов к самой экологической проблеме, не изменяли прежних социально-экономических, политических и культурных стереотипов, породивших и непрерывно усугубляющих экологические трудности. Так, например, в США была принята и успешно осуществлялась программа по восстановлению чистоты бассейнов рек и озер, но одновременно с этим оттуда вывозилось и вывозится огромное количество переработанных, смертельно опасных отходов для захоронения в других странах. Во многих промышленно развитых государствах запрещено применение пестицидов, при этом, однако, они экспортируются в развивающиеся страны Африки, Латинской Америки и т. д. Число примеров можно было бы продолжить, но суть их сводится к технократически ориентированному пониманию экологической проблематики; преобладанию частных, ограниченных и сиюминутных

интересов над более отдаленными общечеловеческими смыслами и ценностями; стремлению смягчить собственные экологические трудности за счет других стран, регионов.

Логика технократов, распространяющаяся не только на экономическую, но и на социальную, и гуманитарную сферы человеческого бытия, проста. Но это как раз та простота, которая хуже воровства. Человек, утверждают они, не может существовать, не совершая обмен с природой ради удовлетворения своих возрастающих потребностей,— причем потребление здесь однозначно отождествляется с потребительством,— а раз так, то рост материального производства неизбежен и человечество не может не делать ставку на завоевание, утилизацию и эксплуатацию природы. Оно может только ослабить свой натиск на природу и то в некоторых регионах.

Дилемма «природа или потребление» оказывается, таким образом, неразрешимой для техноцентристского сознания, а предлагаемые им способы ее решения — возможные с точки зрения технологической — представляются неприемлемыми с точки зрения гуманистической, поскольку в них не остается места для высших ценностей: любви, заботы и ответственности за будущее природы и судьбы человечества. А между тем философско-аксиологический, художественный, культурологический, психологический, биолого-физиологический и медико-гигиенический анализ потребительства, обусловившего возникновение и углубление экологического кризиса, показывает, что оно связано по преимуществу с удовлетворением псевдопотребностей и не имеет ничего общего с раскрытием высших духовных и творческих способностей человека и удовлетворением разумных естественных потребностей. Человек цивилизованный в своей каждодневной жизни непрестанно алчет все более причудливых и изощренных предметов комфорта, роскоши, наслаждения, которые не столь быстро, но столь же неотвратимо ведут к уничтожению естественной среды обитания человека. Необузданный вещизм и потребительство, лежащие в основании гегемонизма по отношению к природе, угрожают не только существованию биосферы, но и ведут к физической деградации, духовному оскудению и примитивизации человека, так как возбуждают и подстегивают такие низменные инстинкты и страсти, которые поработают его уже не только извне, но и изнутри, разрушая его естественную природу и духовно-нравственную, метафизическую сущность.

Все сказанное означает, что человек должен коренным образом изменить иерархию своих естественных и духовно-творческих потребностей с пользой как для самого себя, так и для окружающей природы. В противном случае ему грозит неминуемая гибель. Я думаю, что человек будущей экологической цивилизации преодолет алчность, накопительство, стяжательство, стремление к вещному превосходству и многие другие извращенные потребности и социальные качества и при этом не лишится внутренних источников и стимулов развития. Совершенствование собственно человеческих способностей и удовлетворение нравственных, эстетических, эмоционально-чувственных, интеллектуальных и коммуникативных потребностей позволят возродить естественный потенциал природы и будут способствовать ее одухотворению. Однако такая иерархия естественных и культурных потребностей предполагает совершенно иной менталитет, иные миропонимание и миропереживание, органически включающие в себя в качестве нравственного идеала и высшей общечеловеческой ценности стремление к гармоническому, согласованному развитию человека, общества и природы. Воссоздание и обогащение смысла нравственного императива, в той или иной форме утверждавшегося еще выдающимися мыслителями прошлого, но остававшегося втуне на протяжении столетий, становится важнейшим условием решения современных экологических проблем.

В поисках оснований экологического императива

Вопреки ненависти, враждебности и злобе между различными классами, общностями и группами людей — доминанте всей предшествующей истории — человечество в лице лучших своих представителей сумело сохранить идею отказа от применения насилия и нанесения вреда себе подобным и всему существующему в качестве высшего нравственного идеала. Сформулированная в виде всеобщей нравственной максимы, или императива в различных религиозных, философских и этических учениях, она в дальнейшем обогащалась новым смысловым содержанием, постепенно обретая универсальное, всеобщее значение. Во-первых, неуклонно расширялись границы и сферы действия нравственного императива, он постепенно стал распространяться не только на область личных отношений у представителей одной и той же общности людей, нации, религии и т. д., но и на все человечество и, наконец, на природу.

Во-вторых, существенно изменялись представления о том, что является предельным основанием и ориентиром нравственного императива: страх воздаяния, долг даже вопреки склонности или ощущение особой общности, согласованности, гармонии, созидательности, покровительства, заботы и ответственности. Как известно, классическая формулировка категорического императива как всеобщей нравственной максимы, регулирующей отношение человека к обществу, к другим людям и самому себе, была дана И. Кантом в XVIII веке¹⁰. Причем основанием и ориентиром нравственного императива, определяющим и добро, и благо, Кант рассматривал долг, выполняемый даже при наличии отрицательной установки к предмету нравственного отношения. Уже в XIX веке В. Соловьев существенно скорректировал понимание этого высшего нравственного принципа. «Нравственная воля, как таковая,— подчеркивал он,— должна иметь своим подлинным предметом все существа не как средства только, но и как цели, или в форме императива: действуй таким образом, чтобы все существа составляли цель, а не средство»¹¹. Без нравственного отношения к природе, без деятельной заботы и ответственности за ее будущее, как справедливо считал Соловьев, невозможна нравственная организация человеческого бытия вообще. Важнейшая черта современной этической философии заключается в том, что в качестве основания нравственного императива здесь рассматривается ненасильственная, креативно-нравственная, положительно-созидательная деятельность как в сфере взаимодействия людей, так и в сфере взаимодействия общества и природы.

Распространение нравственного императива на сферу природы в целом и признание в качестве аутентичного содержания нравственно-экологического императива этики ненасилия, на мой взгляд,— главная тенденция нравственного становления человечества и действительное основание выхода из глобального экологического кризиса. Дело в том, что знание даже самых отдаленных отрицательных последствий воздействия на природу, о которых современное человечество уже информировано в большой степени, само по себе не является достаточным основанием для радикального изменения образа жизни и способа отношения человека к природе, поскольку оно не затрагивает глубинных структур индивидуального и коллективного сознания. Страх термоядерной и экологической катастрофы, скорее, парализует жизненную и творческую энергию людей, нежели служит источником облагораживающего и одухотворяющего преобразования природы и общест-

¹⁰ «Поступай так,— писал И. Кант,— чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». К а н т И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 4, ч. 1. М., 1965, с. 270.

¹¹ Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1988, с. 578.

венного бытия. К тому же на психологическом уровне такие сильные отрицательные аффекты, как страх, обычно вытесняются, порождая или иллюзорные надежды, или деструктивные формы поведения.

Что касается социально-экономических, политических и правовых способов смягчения экологической ситуации, то и они при всей их безусловной важности и необходимости неизбежно будут оставаться малоэффективными и частичными до тех пор, пока не сформируются новые структуры современного менталитета и новые нормы нравственности, позволяющие человеку овладеть сложным искусством диалога, сотворчества и единения как в обществе, так и с природой. Такой всеобщей, бытийной, нравственно-метафизической установкой, способной задать отношение, альтернативное существующему стереотипу насилия, подавления и эксплуатации природы, является ненасильственное, положительно-созидательное, ответственное отношение к природе.

Конечно, идеал ненасилия, сотрудничества, компромисности и согласованного развития человека, общества и природы, предполагаемый нравственно-экологическим императивом, является лишь перспективной нравственно-совершенствования человечества, однако важно то, что он существует, осмысливается, провозглашается и утверждается уже сегодня.

Пути обретения новой экологической морали

Ростки креативно-нравственного отношения к природе медленно, но преодолимо начинают пробивать брешь заскорузлого техницистского цинизма. Преодолевая крайности, с одной стороны, прогрессистско-технократических иллюзий, а с другой — «зеленого фундаментализма» и технофобии, настаивающих на тотальном отказе от индустриализма и практической ориентации на техницистское овладение природой, современное мировое сообщество постепенно начинает создавать альтернативные формы культуры и отношения к природе.

О распространении нового планетарного мышления и общечеловеческой экологической морали свидетельствуют усилия, предпринимаемые передовыми кругами мирового сообщества по демилитаризации экономики и сокращению гонки вооружений, а также начавшееся по инициативе политических лидеров сверхдержав двустороннее и одностороннее ядерное разоружение. Экологизация экономики, науки и современного научно-технического прогресса в целом представляется мне другим наиболее важным проявлением нового планетарного мышления и экологической морали. Уже сегодня некоторые высокоразвитые страны — Англия, Япония, Швеция и др. — не только служат для мирового сообщества примером успешной разработки и внедрения экологически чистых технологий, но и готовы взять на себя миссию по переработке вредных промышленных отходов, производимых в других странах. Одновременно с этим предпринимаются реальные шаги по созданию международных организаций, призванных осуществлять сложнейшую экологическую экспертизу, разрабатывать единую экологическую стратегию и оказывать реальную помощь в решении экстренных экологических задач в различных странах и регионах мира¹². Их можно рассматривать как своеобразные очаги будущей глобальной культуры и экологической цивилизации. В рамках этого направления открываются возможности решать такие аспекты глобальной экологической проблемы, которые требуют совместных усилий различных стран и народов, всего

¹² В настоящее время существуют уже более десяти таких международных организаций, в их числе: ЮНЕП — специальный орган ООН по окружающей среде, Международный институт жизни, «Экофорум за мир», Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) и др.

мирового сообщества. К ним относятся проведение трудоемких и дорогостоящих междисциплинарных научных исследований, формирование экологических сбалансированной международной хозяйственной, природоохранительной и природовосстанавливающей деятельности, осуществление глобальной культурно-ценностной и социально-антропологической революции¹³.

Каким бы важным ни было формирование единых международных структур будущей экологической цивилизации, для достижения существенных сдвигов в решении экологических проблем необходим более гибкий и подвижный механизм выработки, принятия и проведения конкретных экологических мероприятий в каждой конкретной экосистеме и в каждом конкретном случае. Таким механизмом является повсеместно распространяющаяся практика независимой социально-экологической экспертизы. Ее разработка продиктована потребностью соотнести научно-техническое развитие с общечеловеческими ценностями экологической и гуманистической морали. Экологическое мировоззрение и экологическое движение обрело свою зрелость по мере осознания того факта, что научные достижения и технические инновации по своей сути амбивалентны, противоречивы и способны служить источником как блага, так и вреда. Поэтому для достижения подлинной экологической безопасности технических нововведений вовсе не достаточно объективистской, ценностно-нейтральной, инструментально-технической экспертизы, проводимой узким кругом специалистов. Необходимо еще соотнести, соизмерить и объединить научно-технический аспект деятельности (что и как намерены производить) с ценностно-нравственной и субъективно-личностной оценкой (для кого, какими средствами, с каким технологическим, экологическим и социальным риском).

Эти проблемы решаются в практике социально-экологической экспертизы. Интегрируя результаты всесторонней междисциплинарной экспертизы инженерно-технических специалистов, экологов, философов, экономистов, социальных психологов, социологов, культурологов, медиков и т. д. и общественного мнения (путем открытых дискуссий, обсуждений в прессе, проведения референдумов и т. п.), социально-экологическая экспертиза способна максимально ограничить степень экологического и социального риска при проектировании, использовании и управлении технологическими процессами и оказать действенное влияние на государственные и политические властные институты, ответственные за принятие и претворение в жизнь конкретных экологических решений.

Достижение консенсуса по экологическим вопросам предполагает становление принципиально иного типа ученого, политика и гражданина, являющегося прежде всего жителем Планеты, несущим всю полноту ответственности за ее настоящее и будущее.

Возрастание значения нравственно-экологической проблематики в жизни людей ставит особые задачи перед современной общественно-образовательной практикой. Речь идет о создании целостной философско-педагогической концепции непрерывного экологического образования и воспитания, а также о поисках эффективных методов формирования экологической культуры личности, которая включала бы не только экологические знания, но и экологическую нравственность и была бы интегрирована во все виды экологической деятельности: социально-

¹³ Не случайно представители Римского клуба, качавшие свою деятельность с определения количественных аспектов «пределов роста», в середине 80-х годов перешли к рассмотрению проблем «пересмотра международного порядка», «революции мировой солидарности», изменения «культурного этоса» и ценностей человечества в планетарном масштабе, к поискам путей и методов «инновационного обучения» и воспитания новых «человеческих качеств» (А. Печчеи, Я. Тинберген, Э. Пестель, И. Галтунга, С. Менделович).

политическую, хозяйственно-экономическую, повседневно-бытовую и культурно-созидательную. Воспитание экологической культуры и нравственности, преподавание экософии становится сегодня не менее важным, чем преподавание дисциплин о правах человека. Если современная образовательно-воспитательная практика сможет привить нынешнему и последующим поколениям людей чувство любви к природе, умение направить свой интеллект и волю на благо себе и природе, способность предвосхищать и предупреждать негативные экологические последствия своей деятельности, то будут заложены прочные основы для решения глобальных экологических проблем и тогда будущая экологическая цивилизация состоится непременно.

© В. Кошелева, 1993